

Arctic and Antarctic Research Institute

Museum and Exhibition Center for Technical and Technological Development of the Arctic
(Arctic Museum and Exhibition Center)

Krassin Icebreaker Museum – the Branch of the World Ocean Museum in Saint Petersburg

THE NINTH RESEARCH
AND PRACTICAL CONFERENCE
«POLAR READINGS –
2021»

ART EXPLORATION OF THE ARCTIC:
POLAR REGIONS IN CULTURE,
ART AND PHILOSOPHY

The materials of the Ninth International Research
and Practical Conference, Saint Petersburg,
18–21 May 2021

SUPPORTED BY SOVCOMFLOT

SCF
Sovcomflot

Moscow, 2022

Арктический и антарктический научно-исследовательский институт
Музейно-выставочный центр технического и технологического освоения Арктики
(Арктический музейно-выставочный центр)
Филиал Музея Мирового океана в Санкт-Петербурге – «Ледокол «Красин»»

ДЕВЯТАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
**«ПОЛЯРНЫЕ ЧТЕНИЯ –
2021»**

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ
АРКТИКИ: ПОЛЯРНЫЕ РЕГИОНЫ
В КУЛЬТУРЕ, ИСКУССТВЕ
И ФИЛОСОФИИ**

Материалы Девятой международной научно-практической
конференции, Санкт-Петербург,
18–21 мая 2021 г.

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ПАО «СОВКОМФЛОТ»

СКФ
Совкомфлот

Москва, 2022

Managing Editor:

P. Filin, Ph. D. in Ethnology and Anthropology

Special Editor:

M. Emelina, Ph. D. in History

Editorial Committee:

P. Boyarsky, Doctor of Sciences, Ph. D. in Physics and Mathematics

V. Boyarsky, Ph. D. in Physics and Mathematics

A. Golovnev, Corresponding Member of RAS, Doctor of Sciences

V. Shumkin, Ph. D. in Archaeology

F. Romanenko, Ph. D. in Geography

M. Emelina, Ph. D. in History

M. Savinov, Ph. D. in History

P. Filin, Ph. D. in Ethnology and Anthropology

Library of Sovcomflot

Polar Readings – 2021. Art exploration of the Arctic: Polar regions in culture, art and philosophy : The materials of the Ninth International Research and Practical Conference (Saint Petersburg, 18–21 May 2021). Moscow : Paulsen Publishers, 2022. p., Ill.

ISBN 978-5-98797-332-5

This issue contains the materials of the “Polar Readings – 2021” conducted jointly by the Arctic Museum and Exhibition Center and the “Arctic and Antarctic Research Institute” – the State Research Center of the Russian Federation, with participation of the *Krassin* Icebreaker Museum – the branch of the World Ocean Museum in Saint Petersburg. “Polar Readings – 2021” was devoted to the issues of artistic and philosophical understanding of the Arctic and Antarctic, identifying and forming the meanings that characterize and shape our understanding of the Polar regions.

ISBN 978-5-98797-332-5

© The team of authors, 2022
© Arctic Museum and Exhibition Centre, 2022
© Museum of the World Ocean, 2022
© “Paulsen”, layout, 2022

УДК 910.4(98)

ББК 71.41(2)

Ответственный редактор:

Филин П.А., к. и. н.

Редактор выпуска:

Емелина М.А., к. и. н.

Редакционная коллегия:

Боярский П.В., д. и. н., к. физ.-мат. н.

Боярский В.И., к. физ.-мат. н.

Головнёв А.В., член-корреспондент РАН, д. и. н.

Шумкин В.Я., к. и. н.

Романенко Ф.А., к. г. н.

Емелина М.А., к. и. н.

Савинов М.А., к. и. н.

Филин П.А., к. и. н.

Библиотека «Совкомфлота»

Полярные чтения – 2021. Художественное освоение Арктики: полярные регионы в культуре, искусстве и философии : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 18–21 мая 2021 г.). Москва : Паулсен, 2022. – с., ил.

ISBN 978-5-98797-332-5

В сборнике представлены материалы конференции «Полярные чтения – 2021», проведённой совместно Арктическим музейно-выставочным центром и ГНЦ РФ «Арктический и антарктический научно-исследовательский институт» при участии Филиала Музея Мирового океана в Санкт-Петербурге – «Ледокол “Красин”». Конференция была посвящена вопросам художественного и философского осмысления Арктики и Антарктики, выявлению и образованию смыслов, которые характеризуют и оформляют наше представление о полярных регионах.

ISBN 978-5-98797-332-5

© Коллектив авторов, 2022
© Арктический музейно-выставочный центр, 2022
© Музей Мирового океана, 2022
© ООО «Паулсен», макет, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Резолюция Девятой научно-практической конференции с международным участием «Полярные чтения – 2021. Художественное освоение Арктики: полярные регионы в культуре, искусстве и философии». Санкт-Петербург, 18–21 мая 2021 г. 14

ОБРАЗ АРКТИКИ В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ СЕВЕРА

Шумкин В.Я.

Монументальное наскальное творчество древнего населения
Российского Заполярья 19

Гусев С.В.

Художественные образы Арктики (по материалам раскопок преэскимосских,
древне- и неозскимосских памятников археологии) 41

Едовин А.Г.

Новоземельский лабиринт в кругу подобных памятников
Европейского Севера. Атрибуция и интерпретация. 48

Ежова Н.М.

Гиперборей на Кольском полуострове. Монетизация мифов: хорошо или плохо? . . . 57

ПОЛЯРНЫЕ РЕГИОНЫ: ДИНАМИКА ОБРАЗОВ И СМЫСЛОВ

Битюцкая А.А.

Арктическая символика в русской философии Серебряного века 73

Вртанесян Г.С.

Арктические особенности двух мифологических евразийских сюжетов 78

Звягин С.А.

Маринистика как художественное освоение Арктики 92

Емелина М.А.

Экспедиция ледокола «Красин» 1928 г. в советской пропаганде
конца 1920-х – начала 1930-х гг. 97

Ерёмина-Соленикова Е.В.

Образы Арктики и Антарктики в шотландских контрдансах 124

Прямыцын В.Н., Бей Е.В.

Празднование 50-летнего юбилея создания Северного флота –
яркое событие в культурной жизни Советской Арктики 134

Тимофеева А.Е.

Пространство моря на Русском Севере. 145

CONTENTS

The resolution of the Ninth Research and Practical Conference with the international participation “Polar Readings – 2021. Art exploration of the Arctic: Polar regions in culture, art and philosophy”. Saint Petersburg, 18–21 May 2021. 14

THE IMAGE OF THE ARCTIC IN THE CULTURE OF THE PEOPLES OF THE NORTH

V. Shumkin
Monumental rock art (creativity) of the ancient population the Russian Arctic 19

S. Gusev
Artistic images of the Arctic (based on the materials of excavations of pre-Eskimo, ancient and neo-Eskimo archaeological sites) 41

A. Edovin
Novozemelsky labyrinth in the circle of similar monuments of the European North. Attribution and interpretation. 48

N. Yezhova
Hyperborea on the Kola Peninsula. Monetization of myths: good or bad? 57

POLAR REGIONS: DYNAMICS OF IMAGES AND MEANINGS

A. Bityutskaya
Arctic Symbolism in the Russian Philosophy of the Silver Age 73

G. Vrtanesyan
Arctic features of two mythological Eurasian plots. 78

S. Zvyagin
Marine painting as an artistic mastering of the Arctic. 92

M. Emelina
The expedition of the icebreaker *Krassin* in 1928 in the Soviet propaganda of the late 1920s–early 1930s. 97

E. Eremina-Solenikova
Arctic and Antarctic images in Scotch Country Dances. 124

V. Pryamitsyn, E. Bey
The celebration of 50-year anniversary of creation of the Northern Fleet – a bright event in cultural life of the Soviet Arctic. 134

A. Timofeeva
The sea space in the Russian North. 145

ОБРАЗ АРКТИКИ И АНТАРКТИКИ В ДНЕВНИКАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ ПОЛЯРНИКОВ, ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ, ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Барзенин А.В., Широнова А.П.

Ледовый капитан Иван Ануфриев о плавании в арктических морях
(по материалам из фондов Северного морского музея) 151

Бровина А.А., Егорова С.Л.

Арктика в дневниках микробиолога Б.Л. Исаченко –
участника ледовых походов 1930, 1933 гг. 162

Емелина М.А.

«До чего он мало начитан касательно полярных путешествий»:
В.Ю. Визе и советский культ Г.Я. Седова 173

Ильин Г.С.

Исследование Хибинского горного массива в дневниках участников
экспедиций под руководством академика А.Е. Ферсмана 189

Макарова Е.И.

Хибины – сказочная страна моего детства. Хибинская эпопея 1930-х гг.
в воспоминаниях Е.Б. Халезовой 199

Парыгина Д.В.

Образ Арктики и Антарктики в дневниках и воспоминаниях полярных
исследователей (по материалам фонда Президентской библиотеки) 213

Третьякова С.Н.

Новоземельская экспедиция 1909 г. по запискам фотографа А.А. Быкова 227

Шпак Г.В.

Нарративные стратегии первопроходцев северных морей. От Р. Торна
до М.В. Ломоносова 243

Шубница Е.И.

Образ «Арктического Урала» – Северного Припечорья – в материалах
научных экспедиций XIX в. 254

Заметки корреспондента газеты «Калининградская правда»

В.Т. Гузеева из 3-й Советской антарктической экспедиции
1957–1958 гг. / Публикация А.С. Гузеева 271

АРКТИКА И АНТАРКТИКА В ПУТЕВОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Бойко С.С.

Остров Вайгач 1930-х гг. в повести Ольги Рожнёвой «Память сердца» 285

Дунаева С.А.

Отражение истории последней экспедиции В. Русанова, его идей
в романе В. Каверина «Два капитана» 294

THE IMAGE OF THE ARCTIC AND ANTARCTIC IN THE DIARIES AND MEMOIRS OF POLAR EXPLORERS, EXPLORERS, AND TRAVELERS

A. Barzenin, A. Shironova

Ice Captain Ivan Anoufrieu about sailing in the Arctic seas (based on the materials from archives of the Northern Maritime Museum) 151

A. Brovina, S. Egorova

The Arctic in the diaries of the microbiologist B.L. Isachenko – participant of ice campaigns in 1930, 1933 162

M. Emelina

“How little he has read about Polar travel”: V.Yu. Wiese and the Soviet Cult of G.Ya. Sedov. 173

G. Ilyin

Exploration of the Khibiny Mountains in the diaries of expedition participants led by Academician A.E. Fersman 189

E. Makarova

Khibiny – a fabulous country of my childhood. The Khibiny Epic of the 1930s in the memoirs of E.B. Khalezova 199

D. Parygina

The Image of the Arctic and Antarctic in the Diaries and Memoirs of Polar Explorers (based on the materials of the Presidential Library Foundation) 213

S. Tretyakova

Novaya Zemlya Expedition (1909) by Photographer A.A. Bykov’s Notes 227

G. Shpak

Narrative strategies of the Northern Seas pioneers. From R. Thorn to M.V. Lomonosov 243

E. Shubnitsina

Image of the “Arctic Urals” – the Northern Pripechorye – in the materials of scientific expeditions of the XIX century 254

Newspaper paragraphs from the 3rd Soviet Antarctic Expedition 1957–1958 by *Kaliningradskaya Pravda*’s correspondent V.T. Guzeev / Publication by A. Guzeev 271

ARCTIC AND ANTARCTIC IN TRAVEL AND FICTION

S. Boyko

Vaigach Island of the 1930s in the novel of Olga Rozhneva «The Memory of the Heart» . . . 285

S. Dunaeva

Reflection of the history of the last expedition of V. Rusanov, his ideas in the novel “Two Captains” by V.A. Kaverin. 294

Егорова Е.Н. «Полярный исследователь» И.А. Бродского: о человеческом в человеке	309
Косоурова Н.Р. «Лицо Арктики»: Новая Земля, Земля Франца-Иосифа и Северная Земля в прозе И.С. Соколова-Микитова.	316
Костренкова А.В., Негматов А.С. Сенсорная география Арктики по мотивам романа В.А. Каверина «Два капитана». Из опыта использования в работе с детьми, имеющими статус ОВЗ, сенсорной книги	324
Плахтиенко О.П. Образы снега и льда в современном скандинавском романе	335
Романенко Ф.А. Советские писатели в Арктике	348
Упоров И.В. Умирающая Воркута в живительных стихах воркутинцев разных поколений	364
Фесенко Э.Я. Арктика в русской прозе XX в.	378
Филин П.А. Образ Арктики в советской фантастике	385

АРКТИКА И АНТАРКТИКА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Аксёнова С.В. Искусство А.А. Борисова глазами современников и следующих поколений.	405
Головнин П.А. Исследователь Арктики – художник Александр Борисов.	420
Орлова О.В. Образ Арктики в творчестве художников Республики Коми	442
Репневский А.В. Илья Константинович Тыко Вылка: исследователь Арктики, самобытный художник и «Президент Новой Земли» (1886–1960)	457
Свешникова Э.В. Образы тундры и коренного населения Русской Арктики в фотографическом наследии живописца Д.К. Свешникова на материалах личного архива художника	469

ПОЛЯРНЫЕ РЕГИОНЫ: АРХИТЕКТУРА И ДИЗАЙН

Колпаков Ф.Н. К образу города Воркуты в исторической урбанистике	477
--	-----

E. Egorova «Polar Explorer» Joseph Brodsky: about human in a person	309
N. Kosourova “The face of Arctic”: Novaya Zemlya, Franz Josef Land and Severnaya Zemlya in Ivan Sokolov-Mikitov’s works	316
A. Kostrenkova, A. Negmatov Sensory geography of the Arctic based on the novel by V.A. Kaverin “Two Captains”. From the experience of using a sensory book in work with children with disabilities	324
O. Plahtienko Images of Snow and Ice in Contemporary Scandinavian Novel.	335
F. Romanenko Soviet writers in the Arctic.	348
I. Uporov Dying Vorkuta in life-giving verses Vorkuta residents of different generations	364
E. Fesenko The Arctic in the Russian Prose of the XXth century	378
P. Filin The image of the Arctic in Soviet fiction	385
ARCTIC AND ANTARCTIC IN THE VISUAL ARTS	
S. Aksenova The art of A.A. Borisov through the eyes of contemporaries and the next generations	405
P. Golovnin Arctic explorer – an artist Alexander Borisov	420
O. Orlova The image of the Arctic in the Visual arts of the Komi Republic.	442
A. Repnevsky Ilya Konstantinovich Tyko Vylka: Arctic explorer, original artist and “President of Novaya Zemlya” (1886–1960)	457
E. Sveshnikova Images of the tundra and the indigenous population of the Russian Arctic in the photographic artistic legacy of the painter D.K. Sveshnikov basing on the artist’s personal archive	469
POLAR REGIONS: ARCHITECTURE AND DESIGN	
F. Kolpakov To the image of the city of Vorkuta in historical urbanism	477

Неклесса Р.А. «Полярник» имени О.Ю. Шмидта – титульный дом Главного управления Северного морского пути. Большой сталинский стиль и покорение Севера. Архивные открытия	485
--	-----

Ржевская Е.А. Создание современной среды обитания – первостепенный фактор освоения Арктики и её богатств (проектные предложения академика В.Н. Ржевского)	496
--	-----

Савинова В.А. Архитектура Арктики: эстетика и факторы формирования	505
--	-----

ПОЛЯРНЫЕ РЕГИОНЫ В ЗЕРКАЛЕ КИНЕМАТОГРАФА

Кокоулин В.Г. Сибирь и Арктика в массовом сознании в советское время и в постсоветской России	515
--	-----

Оробинская Д.С. Создание художественных фильмов об Арктике как проявление культурной дипломатии холодной войны	523
---	-----

Прокофьева В.Ю. Полярный хронотоп в кино: смыслы, жанры, возможности	535
--	-----

МУЗЕЙНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ АРКТИКИ И АНТАРКТИКИ

Горбачёва В.В. Косторезное искусство коренных арктических народов Сибири в коллекционном собрании Российского этнографического музея.	545
--	-----

Чуракова О.В. «Произведения полярных стран» – экспонаты коллекций Михаила Константиновича Сидорова, предназначенные для демонстрации на художественно-промышленных выставках 1860–70-х гг.	560
--	-----

Шарова Е.В. Создание искусства как партиципативная практика: из опыта Арктического института искусств	569
--	-----

R. Neklessa

Schmidt Polar House for the Chief Directorate of the Northern Sea Route.
The Stalin's Imperial style and polar exploration. Archival research 485

E. Rzhhevskaya

The creation of a modern habitat is a primary factor in the development
of the Arctic and its riches (project proposals of Academician V.N. Rzhhevsky). 496

V. Savinova

Arctic Architecture: Aesthetics and Formation Factors 505

POLAR REGIONS IN THE MIRROR OF CINEMA**V. Kokoulin**

Siberia and Arctic in the mass consciousness in Soviet times
and in post-Soviet Russia 515

D. Orobinskaya

Feature arctic films making as a demonstration of Cold War Cultural Diplomacy 523

V. Prokofieva

Polar chronotope in cinema: meanings, genres, possibilities 535

MUSEUM DIMENSION OF THE ARCTIC AND ANTARCTIC**V. Corbacheva**

Bone-cutting art of the indigenous arctic peoples of Siberia in the collection
of the Russian Ethnographic Museum 545

O. Churakova

"Products of the Polar Countries" – exhibits from the collections of Mikhail
Konstantinovich Sidorov, intended for demonstration at art and industrial exhibitions
of the 1860s–1870s. 560

E. Sharova

Creating art as a participatory practice: from the experience
of the Arctic Institute of Arts 569

Образ Арктики в культуре
народов Севера

The image of the Arctic
in the culture of the peoples
of the North

ШУМКИН В. Я.

Монументальное наскальное творчество древнего населения Российского Заполярья¹

V. SHUMKIN

Monumental rock art (creativity) of the ancient
population the Russian Arctic

Сведения об авторе:

Шумкин Владимир Яковлевич, старший научный сотрудник, руководитель неолитической группы Отдела палеолита Института истории материальной культуры (ИИМК) РАН, начальник Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН, кандидат исторических наук (Санкт-Петербурге)
shumkinv@yandex.ru

Author:

Vladimir Yakovlevich Shumkin Head of the Neolithic group, senior researcher Paleolithic Department of the IIMK RAS, Head of the Kola Archaeological Expedition of the IIMK RAS, Candidate of Historical Sciences, (Saint Petersburg)
shumkinv@yandex.ru

Аннотация

Лапландия – историко-географическая часть Фенноскандии (заполярные районы Норвегии, Швеции, Финляндия, Мурманская область России, включая Кольский полуостров), обширный регион, который с момента появления здесь первых людей в раннем мезолите (10 тыс. лет до н. э.) и до недавнего времени демонстрировал несомненное культурно-историческое единство. Одним из ярких проявлений этого является древнее наскальное творчество, памятники которого расположены на территории севера современных территорий Норвегии, Швеции, Финляндии и Мурманской области России. В Северной Европе зафиксировано всего шесть очень крупных (более 1000 изображений) ансамблей древнего

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012).

наскального творчества: Алта и Винген (Норвегия), Немфоршен (Швеция), Бесов Нос, Бесовы Следки (Карелия, Россия) и Канозеро (Кольский полуостров, Россия). Причём только два из них находятся за полярным кругом: Канозеро в России и Алта в Норвегии. Реликвии монументального творчества – увлекательные, сложные и многогранные объекты исследования. Их использование в качестве источника в историко-культурных разработках, истории искусства, эволюции интеллекта и когнитивной психологии, религии и мифологии предполагает тщательный археологический анализ. Для успешной работы над этой темой необходимы в первую очередь тщательное, точное документирование изображений, определение точного возраста, сравнительные характеристики (стиль, техника выбивки/рисования, композиция, ландшафтная среда, микро-рельеф) различных мест древнего наскального творчества. В связи с развитием новых технических и естественных методов в последнее время на этом «поле» достигнуты значительные успехи. Наиболее приближена к нашим задачам объявленная Программа создания базы данных по наскальному искусству Швеции.

Важнейшей и актуальной задачей цивилизованного общества являются пропаганда сохранения древних наскальных «ансамблей» для будущих поколений и разработка методов их защиты от природных и варварских угроз. Осознание ценности и значимости для истории становления, развития человеческого творческого потенциала является мерилем достойного существования такого вида, как *Homo sapiens sapiens*.

Abstract

Lapland is a historical and geographical part of Fennoscandia (the polar regions of Norway, Sweden, and Finland, Murmansk region of Russia, including the Kola Peninsula), a vast region that, since the appearance of the first people here in the Early Mesolithic (10 thousand years BC) and until recently, has demonstrated an undoubted cultural and historical unity. One of the most striking manifestations of this is the ancient rock art, the monuments of which are located on the territory of modern Finmarken (Norway) and the Murmansk region (Russia). In northern Europe, only 6 very large (more than 1000 images) ensembles of ancient rock art have been recorded: Alta and Vingen (Norway), Nemforshen (Sweden), Besov Nos and Besov Sledki (Karelia, Russia) and Kanozero (Kola Peninsula, Russia). Moreover, only two of them are located beyond the Arctic Circle: Kanozero in Russia and Alta in Norway. The relics of monumental art are fascinating, complex, and multi-faceted objects of study. Their use as a source in historical and cultural developments, the history of art, the evolution of intelligence and cognitive psychology, religion and mythology requires thorough archaeological analysis. For successful work on this topic, it is necessary first of all to carefully, accurately document the images, determine the exact age, and compare the characteristics (style, embossing/drawing technique, composition, landscape environment, microrelief) of various sites of ancient rock art. In connection with the development of new technical and natural

methods in this “field” recently achieved significant progress. The announced Program is the closest to our tasks creation of a database on rock art in Sweden.

The most important and urgent task of a civilized society is the preservation of ancient rock “ensembles” for future generations and the promotion of their preservation, value and significance for the history of the formation, development and decent existence of such a species as *Homo sapiens sapiens*.

Ключевые слова:

Фенноскандия, Кольский полуостров, Русская Лапландия, петроглифы, писаницы, Альта, Немфоршен, Винген, Поной, Пяйва, Майка, Канозеро, ландшафт, значение, сохранность.

Keywords:

Fennoscandia, Kola Peninsula, Russian Lapland, petroglyphs, pisanitsy, Alta, Nemforsen, Vingen, Ponoï, Pyaiva, Maika, Kanozero, landscape, significance, preservation.

В последние годы значительно возрос интерес к прошлому – как к местной истории, так и к эволюции человечества в целом, что свидетельствует о зрелости цивилизации. В этом контексте важным является исследование генезиса духовной культуры. В конечном счёте не царство материальных объектов, окружающих человека, как бы важно это ни было, формирует личность, а сознание, его мировоззрение, способность интерпретировать мир в пределах своего видения и понимания. Многие люди знают о великолепных пещерных фресках охотников на мамонтов ледникового периода, о прекрасном, наивно-удивительном искусстве Древней Греции, торжественной готической архитектуре, шедеврах эпохи Возрождения и витиеватых творениях барокко, но они часто имеют очень слабое представление о наскальном творчестве эпохи каменного века и бронзы наших северных регионов. Среди многих причин этого – ограничения, присущие данному типу археологических памятников, и трудности его восприятия и понимания. Сказались и старые, традиционные представления о ранних этапах древней истории крайнего севера Европы, согласно которым культуры этого региона считались скорее неполноценной, пассивной и периферийной репликой (или продолжением) более «продвинутых» южных (ближневосточных, балканских, центральноевропейских) сообществ, у которых были, и то со значительным запозданием, скопированы некоторые «прогрессивные» черты, включая производящую экономику. Правда, под давлением новых археологических открытий в Арктической зоне эти устоявшиеся представления подверглись серьёзной переоценке. В немалой степени такому повороту

Рис. 1. Карта расположения мезолитических (10–6 тыс. лет назад) памятников Русской Лапландии

событий способствовало и более глубокое изучение на современном научном уровне древнего наскального творчества.

Только на первый взгляд любая из превосходных пещерных фресок Альтамыры или Ласко (Франция) легко поддаётся интерпретации: богатство её красок, выразительность и натурализм, как правило, «маскируют» от современного человека концептуальную схему, для которой она была создана и которая до сих пор остаётся в значительной степени неразгаданной. Более того, на фоне разрекламированных и по достоинству почитаемых достижений древних цивилизаций творческие поиски отдалённых регионов могут показаться бледными и недостойными внимания. Однако более вероятно, что наука и мир искусства ещё не оценили по достоинству значение древнего монументального творчества Севера, относящегося к длительному периоду исторического развития и отражающего духовные искания сотен поколений наших предков. Невнимание к изучению наскальных изображений Севера оставляет пробел, разрыв, препятствующий пониманию последующего развития творческих сил человека.

Лапландия – историко-географическая часть Фенноскандии (заполярные районы Норвегии, Швеции, Финляндии, Мурманская область России, включая Кольский полуостров), обширный регион, который

Рис. 2. Распространение объектов монументального творчества в мезолите, неолите, бронзовом веке (10–2 тыс. лет назад) Фенноскандии (обозначены точками петроглифы, прошлифованные изображения, нарисованные фигуры (писаницы))

с момента появления (рис. 1) здесь первых людей в раннем мезолите (10 тыс. лет до н. э.) и до недавнего времени демонстрировал несомненное культурно-историческое единство¹. В отличие от южных и западных районов² Фенноскандии, где древние наскальные изображения известны уже начиная с XVIII в., в Русской Лапландии такие объекты найдены сравнительно недавно (рис. 2).

Только в июле 1973 г. в центральной части региона, на р. Поной, В.Я. Шумкиным были обнаружены первые древние петроглифы. Открытие этого археологического памятника включило Мурманскую область России в зону монументального творчества охотников Северной Фенноскандии³.

¹ Шумкин В.Я. Мезолит Кольского полуострова // Советская археология. 1986. № 2. С. 15–33; Он же. Ранний каменный век западной части Европейской Арктики: (мезолит Северной Скандинавии) // Древности Северо-Запада России. СПб., 1993. С. 34–59.

² Shumkin V.Ya. The rock art of Russian Lappland // Fennoscandia Archaeologica. 1990. V. VII. P. 53–67; Шумкин В.Я. Петроглифы и писаницы Кольского полуострова // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990. С. 34–43; Gjerde J.M. Rock art and Landscapes. Tromsø, 2010. 100 p.

³ Шумкин В.Я. Отчёт о работе Понойской группы КАЭ ЛОИА АН СССР в 1973 г.: Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 40; Shumkin V.Ya. The rock art of Russian Lappland // Fennoscandia Archaeologica. 1990. V. VII. P. 53–67.

В 1985–1986 гг. им же на полуострове Рыбачий (северо-запад Мурманской области), в месте слияния рек Пяйва и Майка, были обнаружены два местонахождения рисованных наскальных изображений (писаницы). В 1997 г. в южной части Кольского полуострова, на оз. Канозеро, Юрием Ивановым был найден ещё один очень крупный петроглифический ансамбль. Поскольку знаменитые карельские петроглифы Онежского озера и Белого моря (Бесов Нос, Бесовы Следки) и чукотский Пегтымель находятся южнее полярного круга, петроглифические ансамбли Кольского полуострова являются пока единственными сохранившимися до наших дней памятниками древнего монументального творчества Российского Евразийского Заполярья. А писаницы полуострова Рыбачий вообще уникальные и единственные объекты такого типа для всего региона Российской Заполярной Евразии.

Петроглифы Чальмн-Варрэ (Čalmn-Varré – саам.) на р. Поной

«Первенец», обнаруженный в Русской Лапландии в 1973 г., – объект наскального творчества «петроглифы Чальмн-Варрэ» расположен на месте бывшей деревни Ивановки, основанной в 1917 г. коми-ижемцами, пришедшими из Большеземельской тундры на Кольский полуостров в конце XIX в.

В начале июля 1973 г. Понойский отряд Кольской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА) АН СССР (ныне – Институт истории материальной культуры – ИИМК РАН) из пяти сотрудников (начальник отряда – старший лаборант ЛОИА В.Я. Шумкин и волонтеры, сотрудники разных учреждений Ленинграда: М. Мевш, С. Кустанович, А. Канаун и М. Зак) на трёх байдарках проводил археологическую разведку по р. Поной от деревни Краснощелье до места впадения реки в Белое море (село Поной), осуществляемую на договорных началах в связи с проектируемой ГЭС на месте слияния трёх рек Кольского полуострова¹.

Поздним вечером при хорошем освещении от полярного незаходящего солнца причалили к низкому берегу (рис. 3), где располагалась уже выселенная по требованию администрации и проектировщиков ГЭС деревня Ивановка, и через несколько минут обнаружили первые древние выбивки на большом плоском камне (рис. 4) у самой воды (несколько

¹ Строительство этой проектируемой ГЭС с последующим затоплением обширных территорий Понойской низменности удалось остановить под давлением военных (в основном моряков и пограничников), признавших предприятие варварским, экологически вредным и экономически неоправданным. Такому развитию событий в немалой степени способствовала и наша разведка, в результате которой на берегах Поной было открыто, помимо петроглифов, ещё и 12 стоянок древнего человека, правда, все на значительном удалении от Ивановки.

Рис. 3. Движение на байдарках по р. Поной во время разведки Понойского отряда КАЭ ЛОИА АН СССР перед моментом открытия наскальных изображений Чальмн-Варрэ в бывшей деревне Ивановке в начале июля 1973 г. Фотография В.Я. Шумкина

Рис. 4. Камень № 1 в группе петроглифов Чальмн-Варрэ

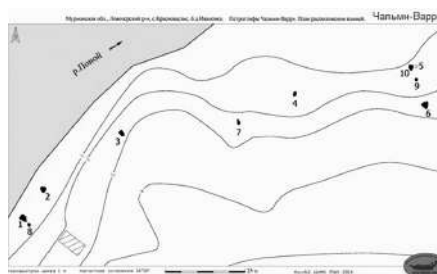

Рис. 5. Схема расположения камней с петроглифами на правом берегу р. Поной, в районе бывшей деревни Ивановки. 2014 г., съёмка Е. Колпакова

позже, когда обнаружили изображения ещё на пяти камнях, этот, первый, по праву получил название «камень № 1»). Позднее, уже в сёлах Краснощелье и Ловозеро, бывшие жители Ивановки рассказывали, что на этом камне они, из-за его удобного положения и плоской поверхности, неоднократно чистили рыбу и стирали бельё, но не замечали выбитых фигур.

Сейчас известно около 300 фигур. Петроглифы расположены на 10 отдельных камнях вдоль берега реки (рис. 5). Почти все оригинальные композиции выбиты на камне № 5, который в настоящее время выставлен

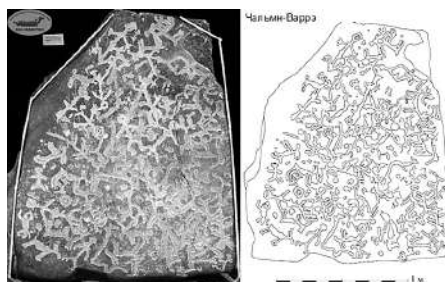

Рис. 6. Фотография и прорисовка изображений на камне № 5 (ныне в экспозиции Музея истории, культуры и быта кольских саамов в с. Ловозеро Мурманской области)

в Музее истории, культуры и быта кольских саамов в с. Ловозеро Мурманской области (рис. 6). Большую часть фигур составляют профильные фигуры животных (зооморфы), которые, вероятнее всего, обозначают представителей семейства оленьих (лоси и олени). Их дополняют не очень многочисленные (около 20) человеческие изображения анфас (антропоморфы).

По техническим и стилистическим особенностям намечаются две поразному ситуационно расположенные группы изображений. Первая, рядом с кромкой воды, представлена фигурами на трёх камнях у самого берега реки, а весной даже долго находящимся под водой, характеризуется более натуралистическим и простым отражением образа зверя, выполненного сплошной чёткой линейной выбивкой. Это фигуры оленей, имеющие преимущественно одну пару ног, с телом, показанным в профиль. Присутствуют также две человеческие фигуры анфас (рис. 4). Одна, явно мужская, имеет трёхрогий головной убор, по три пальца на каждой руке, вторая – с фаллосом или «подвязанным» хвостом. Наблюдается примитивная композиционная связка отдельных антропоморфных и звериных фигур посредством соединения их сплошной выбитой линией. Ближайшие аналогии этим изображениям можно найти среди петроглифов Канозера, Альты и Карелии. На основании археологических и геологических данных их предварительно можно датировать завершающей стадией неолита – концом III тыс. до н. э.

Образы на остальных, расположенных выше и дальше от берега, камнях (рис. 5) более проработаны и одновременно менее чётки. Наблюдаются преобладающая «четвероноготь» зверей, разнообразие и детализированные приемы изображения людей (рис. 6). Схематизация здесь сочетается с хорошо выраженной индивидуальностью многих фигур. Композиционная связь осуществляется посредством тематического

расположения образов. В отличие от изображений на камне № 1, расположенных свободно, без наложения и даже соприкосновения фигур, в этой группе перекрывание (палимпсесты) обычно, и даже есть неоднократное, хотя рядом находятся камни с прекрасной, пригодной для изобразительной деятельности поверхностью. Видимо, для этих авторов было важно не только нанести свои образы, но и выбить их именно на тех камнях, где они уже присутствовали. Изображения, расположенные ниже, избежали такой участи, находясь к этому времени, вероятно, полностью под водой. Можно предположить, что это не было новое население, поскольку заметна преемственность в тематике и стилистике изображений двух локаций, а авторы палимпсестов, нанося их поверх уже существующих, придерживались тех же канонов и образов. Некоторые из фигур, вероятно, несут значительную смысловую нагрузку и являются культурно-мифологическими героями первобытного пантеона.

В целом поздняя группа более оригинальна, может относиться к эпохе бронзы (II тыс. до н. э.). Важно также отметить некоторые параллели Понойских изображений с петроглифами охотничьей традиции: Канозеро, Альты, Немфоршена – и писаницами Финляндии. Не исключено на позднем этапе ещё и определённое влияние (чашечные углубления, например) традиции земледельческого населения соседних территорий. Более подробное рассмотрение методики фиксации, исчерпывающее описание всех фигур, техники выбивки, типологии изображений и композиций представлены в нашей недавно вышедшей коллективной монографии одновременно на русском и английском языках¹.

Мало того, что за 50 лет повседневного обитания людей в этой деревне никто не заметил довольно глубоких выбивок. Даже сотрудники разных экспедиций, среди членов которых наверняка были люди, знакомые с уже широко растиражированными петроглифами Онежского озера (Карелия), не обратили на них внимания. Например, известный исследователь саамов, прекрасный этнограф В.В. Чарнолусский, дважды в 1930-е гг. побывавший в Ивановке, неоднократно проходивший мимо камней с рисунками, не смог их распознать, хотя по его дневникам ясно, что он был хорошо знаком с новейшими скандинавскими и карельскими петроглифическими открытиями. Нужно отметить, что для аборигенов-саами это место всегда было ритуальным: здесь разрешалось лишь хоронить своих покойников (кстати, коми-ижемцы продолжили эту похоронную традицию) да приезжать на покосы, но они никогда здесь не жили до появления

¹ Колпаков Е.М., Шумкин В.Я., Мурашкин А.И. Петроглифы Чальмн-Варрэ. *Calmm-Varre Petroglyphs*. СПб., 2018. 160 с.

пришельцев¹. С обитателями деревни вполне понятно: эта земля ещё не стала для них родной, и важнее было аккуратно пройти по деревянным мосткам, формирующим местные улицы, проложенные среди валунов, разбросанных по территории, чем вглядываться в какие-то камни. А вот отсутствие творческого интереса (даже импульса) у образованных членов естественно-научных, а тем более гуманитарных экспедиций мне объяснить труднее.

И всё-таки эти рассуждения не могут изменить того факта, что между современными жителями Ивановки (коми-ижемцами) прослеживается явный разрыв традиции мировоззренческого порядка. Очень вероятно, что забвение аборигенного населения произошло не так давно. На одном из камней в центре деревни были выгравированы явно металлическим орудием небольшие изображения двух человек, оленя и собаки (рис. 7).

С одной стороны, они по стилистике напоминают саамские рисунки, а с другой – поза, профильность зверей и изображение человека в анфас явно навеяны расположенным поблизости древним наскальным творчеством. Возраст этих изображений вряд ли больше нескольких сотен лет. Но важно другое: ещё сравнительно недавно здесь появлялись люди, для которых мир понойских петроглифов был понятен, близок по духу и, в конце концов, просто узнаваем. И это могли быть только саамы².

Писаницы полуострова Рыбачий («Галерея» и «Пещера»)

Два объекта с наскальными рисунками, обнаруженные Кольской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР в 1985 и 1986 гг. на северо-западной окраине русской Лапландии, на полуострове Рыбачий, который представляет собой тундровое пространство с многочисленными скальными выступами, являются первыми и пока единственными писаницами на заполярном пространстве Российской Евразии. Они были названы нами «Галерея» и «Пещера». Первый из них расположен на правом берегу р. Пяйва (рис. 8), примерно в 1,5 км от устья, на скальном останце древнего морского берега, бывшего некогда островом.

Изображения (около 30) сохранились на блоках, расположенных под углом к основной породе, прикрытых сверху каменными навесами (рис. 9). Они состоят из сложных геометрических форм и фигур оленей (рис. 10–11), выполненных в линейной технике красной охрой, нанесены пальцами руки, обращены строго на восход солнца и, соответственно, море.

¹ Shumkin V.Y. On the Ethnogenesis of the Sami: An Archaeological View // Acta Borealia. 1990. № 2. P. 3–20.

² Там же.

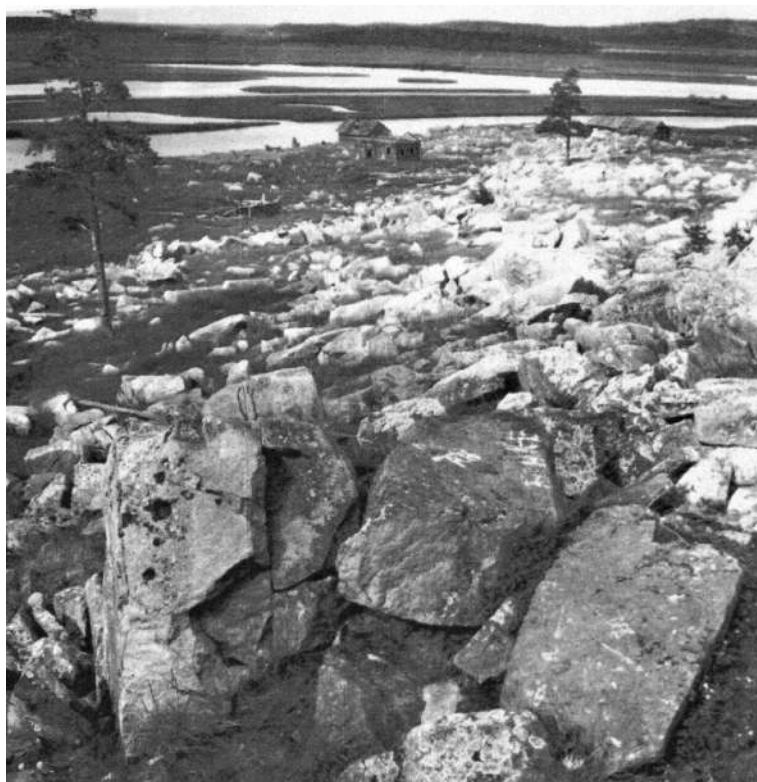

Рис. 7. «Саамские» гравированные изображения на отдельном камне в центре бывшей деревни Ивановки (верх). Место расположения камня с выявленными недавними изображениями (низ). 1973 г. Фотографии В.Я. Шумкина

Рис. 8. Вид на скальный уступ на правом берегу р. Пяйва с писаницами «Галереи»

Рис. 9. Вид на ряд выступающих под углом блоков с геометрическими рисунками «Галереи». Фотография И. Георгиевского

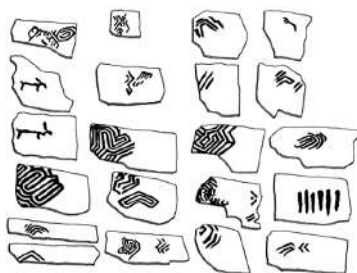

Рис. 10. Прорисовки основных мотивов изображений «Галереи»

Рис. 11. Рисунок одного из оленей писаницы «Галерея». 3/4 натуральной величины

Единообразие формы, стиля и техники даёт основание считать, что все рисованные фигуры имеют одинаковый возраст и, вероятно, одного или нескольких исполнителей в сравнительно короткий промежуток времени. Наша предварительная датировка, основанная на геологических и археологических основаниях, помещает их в VII–VI тыс. до н. э. (поздний мезолит). Напротив «Галереи», на другом берегу реки, нами были найдены развешенные стоянки мезолитического времени, на одной из которых среди подъёмных мезолитических артефактов обнаружен обломок каменной плитки с небольшим охристым пятном, явно происходящей из скального останца с рисунками. Свидетельства присутствия следов иных древних обитателей в окрестностях, близких к писаницам, нам пока выявить не удалось. Ближайшей аналогией этого хронологического слоя нашей «Галереи» (территориально, ситуационно, тематически и фигуративно) является недавно найденное на скалах бухты Indre Sandvik (Porsanger fjord Баренцева моря, провинция Финнмарк, Северная Норвегия) крупное собрание писаниц Ruksesbakti.

Рис. 12. Общий вид на останец скалы с пещерным углублением на левом берегу р. Майка, в котором находится писаница «Пещера»

Рис. 13. Съёмка внутри (с подсветкой) дальней тёмной части «Пещеры» с видом на плоскость с рисунками

Гравированные фигуры «Галереи» тоже имеют геометрические формы. Отмечено наложение гравированных линий поверх окрашенных мест, и они расположены выше рисованных фигур, иначе ориентированы и были сделаны с помощью металлических инструментов. Стилистическое сходство гравировок и рисованных мотивов очевидно, но авторы более поздних изображений, по-видимому, копировали образы, ошибались и, вероятно, не полностью понимали их оригинальное символическое содержание. Присутствие и повторение более ранних рисунков, правда, другими способами было более важным для создателей гравировок, чем ориентация поверхностей, их расположение или пригодность поверхности скалы. Нижняя возрастная граница этих изображений вряд ли может быть древнее I тыс. до н. э.

В 1986 г. во время нашей работы над этими писаницами на левом берегу р. Майка, недалеко от места слияния её с р. Пяйва, в 2 км к северо-западу от «Галереи» (рис. 12), мною было обнаружено небольшое скальное углубление, образовавшееся под горизонтальным скальным козырьком.

При его осмотре были выявлены новые наскальные рисунки в отдалённой, тёмной части пещерки, на плоской вертикальной панели, расположенной в небольшой нише над большой каменной плитой с плоской верхней поверхностью (рис. 13). Это место получило название «Пещера».

Фигуры (их всего три) нарисованы красной охрой, но в технике, совершенно отличной от той, что использовалась в рисунках «Галереи». Эти фигуры явно образуют композицию (рис. 14). Два вертикальных антропоморфных рисунка, очевидно, изображают мужскую и женскую фигуры с круглыми головами, прямым торсом, высокими плечами и невыделенными сомкнутыми ногами. Центральная, нижняя горизонтальная фигура напоминает морское животное или фантастическое чудовище с широко раскрытой пастью, деталью необычной для наскального

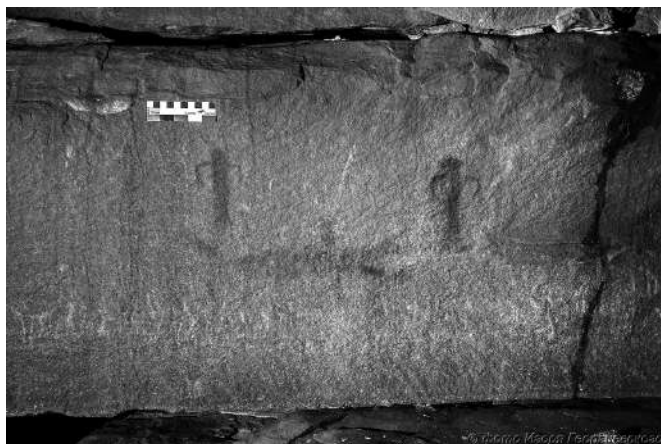

Рис. 14. Фотография нарисованной изобразительной композиции «Пещеры»

творчества Фенноскандии, но часто встречающейся в мобильных и монументальных творениях обитателей эпохи бронзы Сибири. Предварительная датировка по стилистике, аналогиям и изобразительному решению – II–I тыс. до н. э.

Петроглифы Канозера

Канозеро (практически озёрное расширение р. Умба) находится в южной части Кольского полуострова, к северу от Кандалакшского залива Белого моря и пос. Умба. Первые несколько выбивок были открыты на острове Каменный сотрудником музея пос. Ревда Юрием Ивановым во время туристического сплава по р. Умба летом 1997 г. На следующий год при инспекционной поездке с целью подтверждения древности части выбивок (здесь были и существуют до сих пор вандальские «автографы» многочисленных водных туристов из многих городов СССР) В.Я. Шумкиным была установлена несомненная ценность этого археологического объекта и дополнительно выявлены сотни новых изображений на трёх островах (Каменный, Еловый и Горелый) и одной прибрежной материковой скале (скала Одинокая). К настоящему времени в результате 22-летней работы на памятнике Кольской археологической экспедицией ИИМК РАН было зафиксировано около 1400 изображений в 18 группах, расстояние между самыми крайними из них составляет 5 км (рис. 15–20)¹.

Среди значительного репертуара Канозерских петроглифов (рис. 19–20) самую большую часть фигур составляют лодки, часто с «экипажем» (до

¹ Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Петроглифы Канозера. СПб., 2012. 424 с.

Рис. 15. Общий вид на некоторые выделенные природной окраской (сухой лесной мусор) изображения юго-западного участка группы Каменный 7 монументального ансамбля Канозера

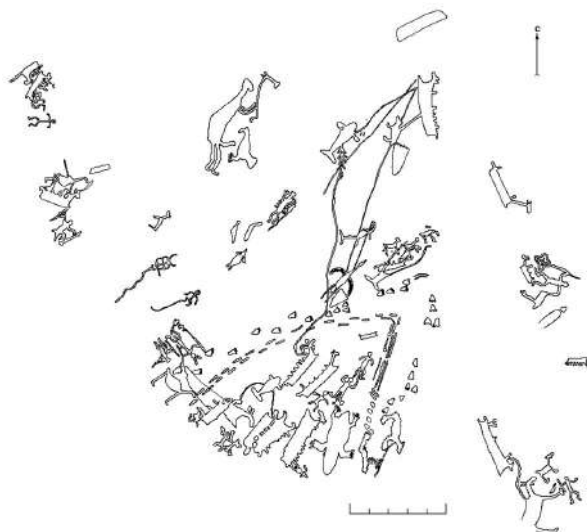

Рис. 16. Прорисовка изображений юго-западного участка группы Каменный 7 монументального ансамбля Канозера

12 человек), участвующим в охоте на китообразных с помощью гарпуна. Впрочем, гарпун, судя по изображениям, использовался, наряду с копьем, и при охоте на сухопутных животных, иногда даже с лодки (рис. 17). Есть, и весьма подробное, изображение и самого гарпуна с линём. У многих лодок изображён длинный форштевень, увенчанный лосиной головой. Лишь одна композиция посвящена сухопутной охоте – это зимняя охота

Рис. 17. Композиция «Охота с лодки на медведя» на юго-западном участке группы Каменный 7 монументального ансамбля Канозера

Рис. 18. Композиция «Любовный треугольник» в группе Каменный 2 монументального ансамбля Канозера

Рис. 19. Диаграмма, показывающая распределение типов фигур всего наскального комплекса монументального ансамбля Канозера

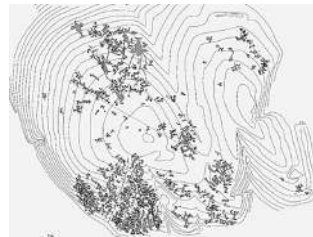

Рис. 20. Прорисовка и расположение всех фигур группы Каменный 7, над которой возведён купол

на лыжах с копьём на медведя. Зато она самая яркая и детально проработанная: изображены следы медведя, лыжня охотника, следы его палок, копьё, даже показан ландшафт, в котором происходило преследование зверя, – прямо кинематографическая «раскадровка». Много профильных изображений в силуэтом стиле семейства оленьих, антропоморфов, китообразных, звериных и человеческих следов, абстрактных фигур, нередко чашевидные углубления, немного птиц и рыб. Есть уникальная фигура журавля и не так часто встречающиеся в других петроглифических комплексах изображения бобров. Почти каждая группа имеет некоторые индивидуальные черты, даже находясь в пределах одного острова (Каменный – 7 групп, Еловый – 6, Горелый – 4, скала Одинокая – 1), одновременно сохраняя определённую смысловую и фигуративную целостность ансамбля. По археологическим находкам и на основании аналогий с другими подобными памятниками мы предварительно датируем этот огромный петроглифический ансамбль в пределах IV–II тыс. до. н. э. При желании более

подробное рассмотрение методики фиксации, исчерпывающее описание всех фигур, техники выбивки, типологии изображений и композиций можно найти в нашей коллективной монографии 2012 года, изданной одновременно на русском и английском языках¹.

Несмотря на несомненные стилистические различия и индивидуальные особенности отдельных памятников Лапландии, объясняемые автохтонным развитием авторов святилищ, в остальном эти комплексы характеризуются фундаментальным сходством, проявляющимся прежде всего на уровне отразившейся в них мифологии, самих изображаемых объектов. Так, большая часть петроглифов Фенноскандии расположена вблизи водоёмов (озёр, рек, моря), общими являются резкое доминирование изображённых в профиль представителей семейства оленей среди других звериных «персонажей», техника исполнения выбивок, их фигуративный ряд. Везде присутствуют лодки².

Реликвии монументального творчества – это увлекательные, сложные и многогранные объекты исследования. Их использование в качестве источника в историко-культурных разработках, истории искусства, эволюции интеллекта и когнитивной психологии, религии и мифологии предполагает тщательный археологический анализ.

Особенно важной проблемой, связанной с превращением петроглифов в археологические свидетельства и исходный исторический материал, является их точная датировка. Подводя некоторые итоги работы, проделанной в этой области, можно выделить следующие критерии, лежащие в основе предлагаемых методов датирования: а) высота, б) стратиграфия, в) топография, г) типология изображений и композиций, д) палимпсесты, е) стиль и манера исполнения, ж) техника нанесения, з) широкие параллели с другими подобными археологическими памятниками, и) мотивы, пропорции и повторяемость изображения, к) состояние поверхности панелей, л) выбор конкретных пород, текстур и плоскостей, м) идентификация чистых комплексов и ядра исходного состава, н) структурные и формализованные подходы, о) стилистический многомерный анализ. Без сомнения, важная информация может быть получена и в результате обследования всех археологических памятников в зоне объектов наскального творчества. Особый статус наскальных изображений и их отнесение

¹ Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Петроглифы Канозера. СПб., 2012. 424 с.

² Kolpakov E.M., Murashkin A.I. & Shumkin V.Ya. The Rock Carvings of Kanozero // *Fennoscandia Archaeologica* XXV. 2008. P. 86–96. Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Лодки в петроглифах Канозера и Северной Евразии // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2012. № 1 (49). С. 76–81; Шумкин В.Я., Колпаков Е.М. Новый центр наскального творчества Северной Европы: антропоморфные композиции Канозера // *Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова*. М., 2009. С. 294–302.

к святилищам, близость к местам инициаций, жертвоприношений и к сакральным памятникам, по-видимому, не вызывают сомнений.

Вместе с тем, как показывает археологическая практика, все петроглифы и писаницы Лапландии располагаются не только в необычных, чем-то выделяющихся местах, часто на островах, но и на некотором удалении от поселений их творцов. Здесь дело даже не в расстоянии, оно может быть не очень значительным. Главное, чтобы между местом обычной жизни и сакральным (священным) центром было некое препятствие. Это может быть вода, болото, перевал и т. д. То же требование заметно в пещерах, где рисунки обычно расположены далеко от входа и часто в самой глубинной, тёмной части. Если рядом или прямо на месте изображений проживали какие-то коллективы, можно уверенно считать, что они не имели отношения к нанесению рисунков и их почитанию. Данная традиция закономерно идёт с палеолита и доживает до наших дней. Ведь мы тоже не строим жилища на тех местах, которые для нас священны, будь то памятник, мемориал, кладбище, нные с какими-либо крупными историческими событиями дерево, камень и т. д., мы огораживаем их, отделяем уважительным пространством. Совершенно иначе ведут себя представители населения, не связанные традицией с местной историей, иногда преднамеренно, чаще по неведению. Весьма показательно в этом отношении отсутствие поселений в непосредственной близости с писаницами Пяйвы и Майки (только на другом берегу реки), петроглифами Канозера (на островах при отсутствии там поселенческих комплексов) и Чальмн-Варрэ (окружённое болотами и нежилое место до прихода коми-ижемцев). Можно напомнить, что непосредственно на месте петроглифов Бесовы Следки в Карелии древние люди поселились только после того, как оно было затоплено, а потом полностью перекрыто слоем песка. И это было уже другое население, не связанное с традицией данного сакрального места.

Наскальные изображения Поноя и рисунки полуострова Рыбачий, вероятно, использовались для каких-то сакральных «церемоний» только ближайшими общинами, в то время как такой величественный ансамбль, как Канозеро, выглядит священным центром обитателей огромной территории¹. Каждое местонахождение древнего наскального творчества, независимо от размера, уникально, потому что это лишь малая часть следов мировоззрения и художественного мира наших предков, которые сохранились до наших дней. Историки, археологи, антропологи, социологи, искусствоведы активно исследуют эти

¹ Shumkin V.Y. The rock art, labyrinths, seids and beliefs of Eastern Lapland's ancient population // Myanndash. Rock art in the Ancient Arctic. Rovaniemi, 2000. P. 202–241.

замечательные памятники, пытаясь «проникнуть» в сложнейшую духовную культуру древних людей.

Хронологические рамки Кольского наскального монументального творчества (петроглифы и писаницы) охватывают интервал в 4–5 тыс. лет: с VI тыс. до начала I тыс. до н. э. в абсолютных датах, что соответствует финалу мезолита, неолиту и эпохе раннего металла в принятой в настоящее время археологической периодизации.

Нехватка данных делает необходимыми применение всех существующих методов, средств и критериев и добавление новых. Разумеется, не каждый из них применим к конкретному петроглифическому комплексу. Растущий интерес к изучению петроглифов вселяет уверенность, что в ближайшем будущем возможности в этой области будут существенно расширены за счёт использования компьютерной техники и благодаря достижениям в области естественных наук. В последнее время на этом «поле» достигнуты значительные успехи. Наиболее приближена к нашим задачам объявленная Программа создания базы данных по наскальному творчеству Швеции (Scandinavian Society for Prehistoric Art, Танум)¹. В ней предполагается провести все возможные естественно-научные анализы наскальных изображений, использовать новейшие методы фиксации (3D, съёмка в разных диапазонах, анализ с помощью специального программного обеспечения), новые способы датирования, сбор ранее накопленных данных и документации. Всё это будет интегрировано и представлено в открытом доступе. Подобное, но значительно проще для начала делается в норвежской Альте² и шведском Немфоршене³. Аналогичный проект осуществляется во Франции для огромного петроглифического комплекса Mont Vego. Нельзя сказать, что в России вообще ничего не делается в этой области. Пока мы только незначительно отстаём от скандинавских коллег, а наши монографии⁴ признаются ими на сегодняшний день образцовыми. Важно отметить, что Кольская археологическая экспедиция ИИМК РАН с 2014 г. совместно с археологами из Норвегии и Финляндии возобновила исследования на всех памятниках наскального творчества Мурманской области с целью их документирования на современном научном уровне и поиска новых изображений.

¹ Swedish Rock Art Research Archive's (SHFA) image database [Электронный ресурс] URL: <http://www.shfa.se/?lang=en-GB> (дата обращения: 12.07.2021).

² Kart over Alta cave [Электронный ресурс] URL: <http://altarockkart.no/map/mapEng.html> (дата обращения: 12.07.2021).

³ Rock carvings at Nämforsen [Электронный ресурс] URL: <http://rockart.humlab.umu.se> (дата обращения: 12.07.2021).

⁴ Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Петроглифы Канозера. СПб., 2012. 424 с.; Колпаков Е.М., Шумкин В.Я., Мурашкин А.И. Петроглифы Чальмн-Варрэ. СПб., 2018. 160 с.

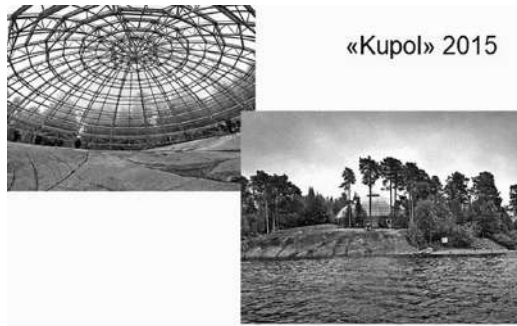

Рис. 21. Купол (показаны вид внутри (слева) и общий вид со стороны озера над всей группой (более 600 изображений)) группы Каменный 7 монументального ансамбля Канозера

В 2008 г. областной и местной администрациями (пос. Умба Терского района Мурманской обл.) учреждён Музей наскального искусства «Петроглифы Канозера» с выставочным залом, повествующим о древних изображениях, а егеря (смотрители) организации осуществляют сопровождение туристов на Канозере. Непосредственно музею поручена и охрана островов с петроглифами. В 2015 г. на о. Каменный над самым крупным скоплением изображений (группа Каменный 7) закончено возведение (рис. 21) защитного сооружения (прозрачного купола диаметром 20 м).

Проект осуществлён благодаря участию тогда президента (потом председателя Правительства России) Д.А. Медведева. Установлены видеокамеры. Маршрут оборудован информационными щитами и местами для стоянок, туалетом на острове Каменный, так как основными посетителями являются группы туристов, проходящих водный маршрут по р. Умба (несколько тысяч за сезон). Сотрудники Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН осуществляли постоянную консультативную, научно-техническую поддержку установки этого уникального защитного сооружения. Подобная конструкция является новаторским и единственным сооружением такого типа над объектом культурного наследия (ОКН) во всей Евразийской Арктике. Электронная информация доступна на веб-сайте музея¹ и на веб-сайте Кольской археологической экспедиции Института истории материальной культуры РАН². Опубликованы нами и монографические исследования петроглифов Канозера

¹ Петроглифы Канозера [Электронный ресурс] URL: <http://kanozero.su> (дата обращения: 13.07.2021).

² КАЭ ИИМК РАН [Электронный ресурс] URL: <http://kae.rekvizit.ru> (дата обращения: 13.07.2021).

(2012) и Чальмн-Варрэ (2016)¹. Готовится монография и по писаницам полуострова Рыбачий («Галерея» на р. Пяйва и «Пещера» на р. Майка).

Однако при уже наметившемся постепенном отставании нашего петроглифведения в насыщенности новыми естественно-научными методами и методиками, по сравнению с практикой скандинавских коллег, в ближайшие годы может образоваться гигантский разрыв в достижениях в этой области археологии отечественных и зарубежных специалистов. Для предотвращения назревающей ситуации необходима специальная многолетняя российская программа по документированию и исследованиям монументального наскального творчества Севера России. Для её выполнения нужно сформировать междисциплинарный коллектив из технических и естественно-научных специалистов под общим руководством археолога и организовать отдельное финансирование такой программы. В перспективе, после достижения положительных результатов на памятниках европейской части России, эта же команда может взяться и за налаживание аналогичных исследований на более многочисленных объектах наскального искусства Сибири и Дальнего Востока под руководством сибирских специалистов, имеющих опыт изучения подобных памятников.

И последний сюжет, на который крайне необходимо обратить внимание: сбережение наскальных полотен. Если вдуматься, то ведь от многообразного монументального наскального творчества прошлых поколений до нас дошли единичные экземпляры. Опустошительные войны, смены населения, природные катаклизмы, нетерпимость и невежество людей сыграли губительную роль. В прошлом наскальные изображения больше страдали от природы и времени. Можно считать чудом, что они уцелели. Особенно подвержены разрушению писаницы. Сохранились они лишь в «благополучных» местах. И вот эти, пощаждённые губительным Хроносом осколки творчества наших предков нередко уничтожаются современным человеком. Страдают они от строительных работ, искусственного поднятия уровня воды, на рисунках разводят костры, выбивают свои инициалы. Можно привести десятки примеров актов вандализма. Не приносят должного результата ни усиление наказания, ни принятие постановлений. Думаю, что эти меры не решат проблему. Путь здесь один – повышение культурного уровня населения через популяризацию, объяснение значения памятников, их художественно-культурной ценности, проведение регулярных экскурсий, создание музеев. Дело, конечно, трудное, но вполне осуществимое. Примеры такого подхода уже имеются в Скандинавии и Италии. Организация центров с музеями,

¹ Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Петроглифы Канозера. СПб., 2012. 424 с.; Колпаков Е.М., Шумкин В.Я., Мурашкин А.И. Петроглифы Чальмн-Варрэ. СПб., 2018. 160 с.

туристическими комплексами: Альта (памятник под эгидой ЮНЕСКО) и Немфоршен в Норвегии, Винген в Швеции – пользуется огромной популярностью, снимает многие проблемы, приносит ощутимый доход, позволяющий вкладывать средства в изучение, популяризацию и защиту объектов историко-культурного наследия.

У нас же всё это пока в стадии «решений». Более того, открытые почти 50 лет назад (1973) понойские петроглифы (Чальмн-Варрэ) до сих пор не получили никакой охраны соответствующих государственных органов и находятся под постоянной угрозой варварского уничтожения или расхищения, как это уже однажды случилось с изъятием из комплекса камня № 5 и перевозкой его в Музей истории, культуры и быта кольских саамов в селе Ловозеро Мурманской области (рис. 6), что нарушило природную и историко-культурную целостность этого петроглифического ансамбля.

А вот помощь специалистов, любителей, общественности, администрации в таком деле крайне необходима. Это нужно осуществить как можно скорее. Будущие поколения не простят нам, если мы не сможем сберечь бесценные творения предков, волей судеб пока ещё сохранившиеся на просторах нашей страны.